

Э. Лависс

История XIX века

Том I. Издание 1938 года

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э1

Э1 **Э. Лависс**
История XIX века: Том I. Издание 1938 года / Э. Лависс – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 607 с.

ISBN 978-5-458-04938-2

Эта наиболее полная, последовательно изложенная история XIX века, изданная в 8 томах, принесла известность своим авторам. «История XIX века», впервые опубликованная на русском языке в 1906 году, составляет последнюю часть из двенадцатитомной «Всеобщей истории с IV столетия до нашего времени» (1893-1901). Общий план этого большого издания был выработан редакторами, а отдельные главы писали различные специалисты. Авторы дают не только живое изложение политических событий XIX столетия во всех странах Европы, но и очень содержательную, при всей своей краткости, характеристику таких явлений мировой культуры, как литература, музыка, живопись, скульптура, архитектура, развитие научных знаний (математики, механики, астрономии, физики, химии, зоологии, физиологии, медицины и т. д.). Специальные главы посвящены истории таких стран, как Швейцария, Швеция, Норвегия, Голландия, Дания, Бельгия, Австрия, Испания, романские страны Южной и Центральной Америки, Индостан, Персия, Афганистан, Турция, Китай, Япония, Корея, доминионы и колонии европейских стран, вроде Австралии, Канады, Индии, Южной Африки, Египта, Индокитая, Алжира и т. д. История всех этих стран изложена кратко, но точно и очень содержательно. Живой язык повествования, обилие приведенных фактов, подробный анализ истоков исторических событий отличает эту работу. Подробно прослеживается взаимосвязь и общие корни исторических событий в различных странах и их взаимное влияние.

ISBN
978-5-458-04938-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ РЕДАКТОРА

Из всех веков мировой истории, предшествовавших XX веку, XIX столетие занимает исключительное место. Именно в XIX веке развитие экономики и техники, точной науки и художественной литературы, музыкальных и изобразительных искусств пошло такими бурными, неслыханно быстрыми темпами, смена политических форм происходила так круто, революции и войны, изменившие облик всей государственной жизни и всех международных отношений на европейском континенте, а иногда и контуры границ, были так часты, как никогда до сих пор. Промышленная буржуазия в течение почти всего XIX столетия была преобладающей, ведущей частью буржуазного класса, и только в последней четверти столетия стал формироваться тот финансовый капитал, который окончательно сложился и укрепил свое господство в передовых капиталистических странах уже в XX столетии. XIX век подготовил все условия для перехода от старого капитализма к монополистическому капитализму, т. е. к высшей и последней стадии капитализма — к империализму.

Буржуазия в XIX веке вела борьбу разом на нескольких фронтах: 1) в первой половине XIX века в тех странах, где на пути ее развития стоял помещичье-дворянский класс, связанный в той или иной мере с бывшим феодальным землевладением, буржуазия вела с ним упорную борьбу и победила этот класс; 2) в тех странах, где к началу XIX века еще не было достигнуто государственное национальное объединение, буржуазия продолжала вести борьбу за это объединение. Создание крупных национальных государств, писал Энгельс, является единственным типом государственного устройства, нормальным для правящей европейской буржуазии. Потребности практического купца и промышленника настоятельно требовали устранения провинциального хлама (многообразие вексельного права, через каждые несколько миль новые условия занятия ремеслом, разнообразие местного законодательства, ограничение прав жительства, различные

меры весов, разнообразие валют и т. д.), стеснявшего и ограничивавшего торговые обороты. «Отсюда видно, что стремление к единому «отечеству» имело весьма материальную почву» (Энгельс, Роль насилия в истории, Партиздат, 1937, стр. 7). Войны, приведшие к образованию единой Италии (1848, 1859, 1860 и 1866 годы), к образованию Германской империи (1864, 1866, 1870—1871 годы), были проявлением этой «воли к объединению», охватившей прежде всего буржуазию названных стран. 3) Наконец, в течение всего XIX века, все обостряясь и обостряясь с каждым десятилетием, шла упорная борьба буржуазии за свое классовое господство против эксплуатируемых ею классов населения и прежде всего против промышленного пролетариата.

XIX век — век формирования рабочего класса, величайшей прогрессивной исторической силы нашей современности, призванной уничтожить паразитический капитализм и создать новый общественный строй — социализм, — за идеалы которого боролись и отдавали свою жизнь передовые люди XIX века.

Борьба пролетариата как класса во своими особыми, вполне осознанными экономическими и политическими целями определяет содержание всей истории XIX века. От первого пролетарского восстания в Лионе в ноябре 1831 года, от чартизма в Англии, через упорную, стачечную борьбу времен Луи-Филиппа к революционным боям 1848 года и от 1848 года к I Интернационалу и к Парижской Коммуне, затем от Парижской Коммуны к созданию профессиональных союзов и политических партий пролетариата и к первым годам II Интернационала — разворачивается в разнообразных формах, с неодинаковой интенсивностью, с различными оттенками в отдельных странах эта упорная борьба пролетариата против буржуазии. В огне этой борьбы сгорали без остатка все те политические «ценности», все те общечеловеческие блага, завоеванием которых так хвалилась в свое время буржуазия. Бывший «наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств... тип парламентарной демократической республики...» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 119) был выброшен буржуазией за борт без малейших колебаний, когда буржуазия сообразила после революции 1848 года, что ей более выгодно и безопасно заменить республику полусамодержавной империей Наполеона III. После революции 1848 года в Западной Европе буржуазия в массе своей перешла на сторону реакции и вступила в союз с бюрократами-монархистами, феодалами и церковью, владычество которых только что низвергла при помощи рабочего класса. Точно так же

и по тем же соображениям германская и австрийская буржуазия примирялась очень быстро и охотно с установлением после 1848 года полуабсолютизма в Пруссии и возвращением полного абсолютизма в Австрии. Капиталистический класс всегда готов был там, где его господству грозила серьезная опасность, отречься от всяких «свобод» — даже от всех гражданских прав — в пользу такой диктатуры, которая обещала крутую, беспощадную расправу с революционным пролетариатом. Современный нам фашизм является наиболее зверской, наиболее бесстыдно гнусной, совсем неприкрыто варварской из всех форм буржуазной диктатуры, какие до сих пор успела занести на свои скрижали всемирная история. Никогда за весь XIX век капиталистический мир не чувствовал так своей обреченности и опасности своего положения, как в переживаемое нами время. И именно поэтому никогда в XIX веке, если не считать моментов особенно обострившейся борьбы (как, например, во времена Парижской Коммуны), ни одна буржуазная диктатура не доходила до установления (притом на долгие годы) режима средневековых пыток, застенков, разнообразнейших издевательств над побежденным классом, до чего дошел и на чем (до поры до времени) утвердился современный фашизм. Далее читатель, изучающий культуру XIX века, заметит также, что в те моменты, когда буржуазия особенно остро чувствовала себя под угрозой со стороны революционного пролетариата, она и в области умственной жизни ударялась в крайнюю реакцию, забывала о своих вольтерианских традициях, о своем свободомыслии в области религиозных верований, о своем унаследованном от XVIII столетия философском скептицизме и бросалась вспять к церкви, к духовенству, ища союзников и защиты. «Наш враг не сельский священник, а социалистический школьный учитель!» — провозгласили напуганные громами революции 1848 года Тьер, Фаллу и другие предстатели некогда свободомыслящей буржуазии. Эта напуганность буржуазии, гнавшая ее на союз с клерикалами, не прошла до самого конца XIX столетия, когда популярнейший в то время (в девяностых годах) во Франции буржуазный беллетрист Поль Бурже и авторитетнейший тогда критик Фердинанд Брюнетьер провозгласили, что «наука обанкротилась» и что единственной опорой индивидуальной морали и общественного порядка может быть только религия.

Тем не менее и в данном случае за весь XIX век эта духовная реакция не осмелилась посягнуть на творцов есте-

ствознания, своими великими открытиями подкапывавших все основы религиозных суеверий. Дарвин, Лайель, Гексли, Менделеев, Сеченов, Гельмгольтц, Клод Бернар, Бертелло, Мечников, Пастер делали свое великое дело. Только в наши дни озверелый фашизм и в этой области проявляет совсем паническую напуганность и стремится так или иначе погасить свет свободного научного исследования. При свете того, что сейчас творят Муссолини в Италии, Гитлеры, Геббельсы, Геринги и Розенберги в Германии, их усердные подражатели в Венгрии и других местах, становится ясно, что глава мировой духовной реакции папа Пий IX, который в 1864 году торжественно объявил «заблуждениями» все главные завоевания научной мысли человечества, в настоящее время в фашистских странах нашел бы живой отклик и деятельную помощь в борьбе против этих «заблуждений» науки. Недаром нынешний Пий XI поспешил снять с муссолиниевской Италии проклятие, наложенное Пием IX на Италию конституционную в 1870 году!

Таким образом, мы видим, что уже в XIX веке намечалось в Европе и в области политической и в области духовной реакции многое, что пышным цветом расцвело только в наши дни. И это весьма понятно, потому что в конечном счете XIX век оказался преддверием к грядущей в мировом масштабе социалистической революции, и если звериная злоба современного фашизма вызвана страхом, то нужно признать, что все основания для этого страха бесспорно налицо. Во времена Маркса и Энгельса этот страх не мог быть, конечно, таким острым, таким паническим, таким постоянным, как во времена Ленина и Сталина.

XIX век был великой исторической школой борьбы рабочего класса, в процессе которой была выработана теория научного социализма, были выдвинуты формы экономической и политической организации пролетариата. В конце первой половины века появилось бессмертное учение Маркса—Энгельса, давшее ключ к пониманию всего прошлого и к предвидению будущего народов, идущих по пути капиталистического развития. «Манифест коммунистической партии» остался бы в истории европейской мысли навеки как одно из глубочайших проникновений в прошлое и прозрений в будущее, даже если бы его авторы не дали затем ряда гениальных исторических, экономических и философских работ по теории научного социализма. Существует теснейшая связь между «Манифестом коммунистической партии», «Капиталом» и целой серией работ и исследований Маркса и Энгельса по истории чело-

очества, начиная с первобытного общества и кончая историей революционных движений 1848 года, государственного переворота 2 декабря, Крымской войны и Парижской Коммуны.

Научное творчество Маркса и Энгельса и их политическая деятельность наложили неизгладимую печать на умственную жизнь миллионов и миллионов людей и духовно мобилизовали целые поколения пролетариата и трудящихся на повторные штурмы угнетающего их эксплуататорского строя. Основание I Интернационала, вдохновляемого Марксом и Энгельсом при первых же шагах этой организации, явилось лишь яркой иллюстрацией к основной мысли «Манифеста», к идее объединения пролетариев для борьбы, в которой они должны сбросить с себя цепи и завоевать весь мир. Учение Маркса и Энгельса не только осветило ярким светом всю историю и ближайшее будущее человечества, но оно оказалось и неиссякаемым источником моральной энергии для борющихся. Оно научило борцов за новый социальный строй понимать, что их поражения — явление временное, что опустить голову нет оснований, как бы ни был тяжел тот или иной постигший их удар. Когда 2 декабря 1851 года Луи-Наполеон Бонапарт задушил Вторую французскую республику, то этот разгром всех упований и всех революционных мечтаний, еще в 1848 году казавшихся такими близкими к осуществлению, поверг многих даже очень и очень сильных умом и духом мыслителей (вроде, например, Герцена) в совершенное уныние, им стало представляться, что дряхлый европейский мир осужден на распад и гибель, что уже навеки закрыты перспективы и пропала дорога, ведущая к лучшему будущему. А в это же самое время Маркс и Энгельс ни в малейшей степени, буквально ни на один день, не утрачивали ясности мысли и бодрости настроения и организовывали пролетариат на дальнейшие битвы.

И эту всегдашнюю бодрость духа творцы теории научного социализма не только сами почерпнули из своего учения, но и сумели вдохнуть ее в целые поколения бойцов, которые их учение восприняли.

Маркс в самые последние годы своей жизни с надеждой взирал на Россию и предвидел бурное развитие революционного движения на русской почве. За три года до смерти Маркс совместно с Энгельсом написал пророческие строки о революционном движении в России, которое «...после борьбы, — быть может, длительной и жестокой, — в конце концов должно неизбежно привести к созданию Российской Коммуны» (*Маркс*

и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 552). Ни Маркс, ни Энгельс не дожили до великого пролетарского восстания и его торжества в России, но как хорошо они учат нас понимать, почему современную нам империалистическую буржуазию доводит до такого неслыханного озлобления и до такой паники именно тот факт, что на географическом месте царской России вытесняется Советский Союз, что место «жандарма Европы» теперь занял друг и верный союзник эксплуатируемых на всем земном шаре!

Россия играла в XIX веке огромную роль в мировой политике. Начиная с периода наполеоновских войн, когда 1812 год положил начало долгой кровавой борьбе европейских народов против наполеоновского владычества, и кончая участием в китайских событиях 1899—1900 годов, Россия оказывала от начала до конца XIX века колоссальное влияние на судьбы человечества. Выступления царского правительства постоянно были направлены к удушению освободительных движений на Западе, и царской России суждено было в самом деле, по правильному определению основоположников революционного марксизма, играть роль «жандарма Европы». Правда, постепенно — сначала медленно, потом более ускоренным темпом, в России нарастали в течение XIX века враждебные царизму силы. От декабристов и Герцена до петрашевцев, от петрашевцев до Чернышевского, до революционеров 60-х и 70-х годов, от землевольцев и народо-вольцев до начала и распространения революционного марксизма, до молодого Ленина и его первых соратников в 90-х годах XIX века — борьба против самодержавия и эксплуататорского строя выдвигала бойцов за бойцами.

До конца XIX века самодержавие не было низвергнуто, по его былые основы, и социально-экономические и идеологические, оказались сильно расшатанными. «Жандарм Европы» уже должен был непрестанно думать о собственном спасении от гибели, а не о былых походах в Европу с целью спасения чужих «тронов и алтарей». Не за горами уже было то время, когда великий героизм русского народа, проявленный им во время всех войн XIX века, в которых участвовала Россия, должен был сказаться в вооруженной революционной борьбе против своих хищников и чужих интервентов.

Но не только в качестве «жандарма Европы» выступала Россия в XIX веке. Этот век был временем, когда русский народ властно занял одно из центральных, не веяствующих мест в мировой культуре. «Древняя Греция дала Сократа, Аристотеля, Платона, Софокла, Эсхила, Фидия; Италия дала

Дантè, Микель Анджело, Леонардо да Винчи; Франция — Вольтера, Руссо, Виктора Гюго; Германия — Гете, Шиллера; Англия — Шекспира и Байрона; Россия пришла позже других, — потому что начала жить исторической жизнью позже других, — но она уже успела дать только *за один XIX век* Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского — четырех художественных титанов XIX столетия. Чего же нельзя ожидать от нее в будущем?» — так сказал в одной своей речи покойный видный французский публицист Марсель Самба. Мы знаем, что Россия в XIX веке дала миру не только этих «четыре титана», но и целую галерею высоких талантов литературы, искусства и точной науки. Но Самба в своем кратком пересчете был намеренно очень скуп и, говоря о вечных вкладах отдельных стран в сокровищницу мировой культуры, отставившись, во-первых, почти только на гигантах литературы и искусства, а во-вторых, только на таких именно гигантах, которые, каждый в своей сфере, оказали могущественное влияние на *все* культурное человечество.

И по общему признанию XIX век был веком несравненного, все растущего мирового триумфа русской художественной литературы. Когда Проспер Мериме и первые переводчики открыли Европе Пушкина, когда Боденштедт «открыл» Лермонтова, когда знаменитый французский критик Сент-Бев заговорил о Гоголе, а Париж времен Второй империи бурными аплодисментами и несмолкаемым смехом встретил первое театральное представление «Ревизора», — то все это было лишь началом триумфального выступления великой русской литературы на мировой арене. Могущественное влияние прозы Тургенева на Флобера, Зола, Мопассана, Ауэрбаха, Шпильгагена тоже дало лишь первые намеки на то, чем суждено было стать к концу XIX века для Европы и Америки Льву Толстому и Достоевскому. Критики и беллетристы Запада единогласно признают, что после появления «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения», после «Преступления и наказания», «Записок из мертвого дома», «Карамазовых» требования к художественной литературе так неслыханно возросли, что стало просто невозможным писать «по-старине», и все читающее человечество почувствовало, что в словесном творчестве, в художественном психологическом анализе сделан новый огромный шаг по тому пути, который только начали прокладывать в начале и в середине XIX века такие большие художники, как Бальзак, Стендаль и Флобер, Диккенс и Теккерей. Великие русские творцы, чем больше их узнавали к концу XIX столетия, тем более и более могу-

ественно влияли на все литературы Запада, и это могучее русское влияние XIX век полностью завещал XX веку. «После Шекспира свет не знал еще никогда в области художественного творчества такой всемирной славы, как слава Льва Толстого», — писали английские журналы, когда умер Толстой. «На Западе в художественной литературе попрежнему царит Достоевский», — правильно констатировал в 1926 году покойный Луначарский в одной из своих публичных лекций, сходясь в этом утверждении буквально со всеми ведущими критиками Англии, Франции, Германии, Скандинавских стран. «Русские Диоскуры XIX века, два великана художественного творчества», — так были названы эти два русских гения, Толстой и Достоевский, с трибуны парижской Сорбонны, обыкновенно такой скупой на похвалы иностранцам. XIX столетие дало миру таких великих мыслителей—революционных демократов, как Белинский, Добролюбов и Чернышевский.

Но если в области словесного творчества русский народ занял в XIX веке совсем исключительное, ни с кем несравнимое, непререкаемо *первое* место, то *одно из первых* мест он занял и в области живописи, выдвинув Сурикова, Репина, Верещагина, Серова, и в музыке, выдвинув Глинку, Мусоргского, Римского-Корсакова, Даргомыжского, Рахманинова, Чайковского, и в точной науке, дав величайшего математического гения «Эвклиду равного» Лобачевского, химика Менделеева, физика Лебедева, о котором великий Томсон (лорд Кельвин) заявил: «Лебедев заставил меня сдать свои опытами», палеонтолога В. Ковалевского, о котором Дарвин сказал, что историю палеонтологической науки нужно делить на два периода: до Ковалевского и после Ковалевского. Русский читатель «Истории XIX века» никогда не должен забывать, что этот век именно и был временем, когда впервые обозначилось и ярко проявилось мировое значение русского народа, когда впервые русский народ дал понять, какие великие возможности и интеллектуальные и моральные силы таятся в нем и на какие новые пути он может перейти сам и в будущем повести за собою человечество.

* * *

Большое дело в области расширения и углубления исторических знаний в широкой массе советских читателей делает Огиз-Соцэкиз, выпуская в свет восемь томов известного коллективного труда по истории XIX века, вышедшего под редакцией Лависса и Рамбо. Собственно, из всех больших

европейских изданий, подводящих общие итоги результатам исторических исследований по истории XIX века, с трудом Лависса и Рамбо может быть сопоставлена по научной основательности одна только «Кембриджская новая история» («Cambridge modern history»), редакторы которой отвели пять томов (VII, IX, X, XI и XII) своей коллекции истории XIX века. Но Кембриджская история рассчитана больше на специалиста, чем на массового читателя, — и по своему объему, и по очень сухому изложению, и по характеру содержания, и по типу огромнейших библиографических приложений. Английское издание пригодно не столько для систематического чтения, сколько для наведения нужных справок при научно-исследовательской работе.

Совсем другое дело Лависс и Рамбо. Они дают не только живое, связанное, литературно исполненное изложение всей громадной массы сложнейших политических событий XIX столетия во всех странах Европы, но и очень содержательную, при всей своей краткости, характеристику таких явлений мировой культуры, как литература, музыка, живопись, скульптура, архитектура, развитие научных знаний (математики, механики, астрономии, физики, химии, зоологии, физиологии, медицины и т. д.). Широта кругозора — совсем исключительная, и это одно делает русское издание Лависса и Рамбо драгоценным подарком для нашей повой, огромной советской интеллигенции. Эти восемь томов дадут читателю ясное, отчетливое представление о таких именах и событиях, беглое, случайное упоминание о которых он встречает чуть не ежедневно в газетах и журналах, но справиться о которых ему бывает далеко не всегда удобно и возможно.

Но этими главами о литературе, об изобразительном искусстве, о науке не ограничивается полнота и разносторонность коллективного труда Лависса и Рамбо. Мы находим здесь специальные главы, посвященные истории таких стран, которые обыкновенно обходятся полным молчанием в общих трудах подобного типа: Швейцарии, Швеции, Норвегии, Голландии, Дании, Бельгии, Австрии, Испании, романских стран Южной и Центральной Америки, Индостана, Персии, Афганистана, Турции, Китая, Японии, Кореи, доминионов и значительнейших колоний европейских стран, вроде Австралии, Канады, Индии, Южной Африки, Египта, Индо-Китая, Алжира и т. д. История всех этих стран изложена кратко, но точно и очень содержательно. И изложена так, что эти главы можно с интересом читать страницу за страницей подряд, не отрываясь, а не только искать в них нужные фактические справки.

Нечего и говорить, что подобающее место отведено Соединенным Штатам.

При этом Лависс и Рамбо не совершили той капитальной ошибки, которая так портит «Кембриджскую новую историю»: английские редакторы выделили Соединенные Штаты в XIX веке в особый (седьмой) том, за которым идет восьмой, посвященный французской революции, а уж только с девятого начинается история Европы в XIX веке, но там уже, конечно, о Соединенных Штатах не говорится ничего. Получается то самое нарушение хронологической последовательности и несоответствие между синхронистическими фактами, что так портит всегда всякую историческую книгу и на что так справедливо указали в свое время товарищи Сталин, Киров, Жданов в своем памятном выступлении. Здесь, у Лависса и Рамбо, Соединенные Штаты поставлены на свое место, и их история переплетается, где должно, с историей европейских стран. Читатель не будет вынужден, знакомясь, например, с историей гражданской войны между Южными и Северными Штатами 1860—1865 годов, недоумевать, почему Англия и Франция заняли в это время такую, а не иную позицию, тогда как тот читатель, который знакомится с историей этой войны по Кембриджской коллекции, обязан будет для ответа на данный вопрос отложить в сторону седьмой том и искать удовлетворения своей любознательности в девятом томе.

Нарушение хронологической связанности при изложении почти всегда вредит книге, и вот почему, например, в предшествующих русских изданиях Лависса и Рамбо совершенно напрасно была выделена вся часть изложения, посвященная истории России. Ни пропускать вовсе эту часть, как сделал в свое время Гранат, ни выносить ее в особый, дополнительный девятый том, как предполагалось в издании Соцэкгиза (1937), не было и нет никаких оснований.

О совсем неосповательном опущении русской истории в издании Граната нечего и говорить: читатель лишился глав, отсутствие которых нарушало полноту изложения. Но и прием, допущенный в издании 1937 года, тоже никак не может быть назван методологически правильным: мы повторяем мысль классиков марксизма-ленинизма о том, что царизм был «жапдармом Европы», и мы же выводим этого жандарма за скобки, удаляем его прочь из истории Европы, на которую он так сильно и долго влиял! Допускать этого ни в каком случае нельзя.

Новое русское издание этого монументального труда восполняет ряд пропусков, допущенных в предыдущем издании.